

Ш-97 + русск. + Ведом.  
Много удовольствия  
М.Н.  
Сибирь

Ш 91

Р

173185

Лѣтній.

КР

биографический рассказ\*)

Кто не живалъ на напѣмъ «дикомъ» сѣверѣ, кто не видалъ нашихъ, мѣстами еще дѣственныхыхъ, лѣсовъ, вершины которыхъ вздигнулись въ небо, тому, пожалуй, ночевка въ такомъ лѣсу въ осеннюю темную ночь покажется не изъ приятныхъ удовольствий, хотя бы это случилось и на берегу такой красавицы рѣки, какъ Кубина.

Ежеминутно въ такомъ лѣсу слышится то трескъ сломаннаго какимъ нибудь животнымъ сучка, то взлетъ испуганныхъ птицъ, то какой-то неопределенный глухой, но могучий шумъ лѣса, хотя, казалось бы, и вѣтерка-то «не шелохнется»,—все это жутко ложилось бы на душу непривычнаго человѣка...

Но совсѣмъ не то чувствуемъ въ такой обстановкѣ мы, исконные жители сѣвера. Для настѣ такая картина будетъ однимъ изъ лучшихъ наслажденій, при которомъ забываются всѣ житейскія дрязги и, прислушиваясь къ жизни природы, самъ почувствуешь неотъемлемой, частичкѣ ея. Намъ нечего пугаться, мы отлично знаемъ каждый звукъ въ своемъ лѣсу, знаемъ отъ кого и почему онъ происходитъ, ибо мы сжились съ этими звуками.

— Это рыбчики взлетѣли съ «порховища»<sup>\*)</sup> на дерево!—скажетъ мой приятель Тишанъ и пояснитъ, что должно быть ваяцъ или вѣкша испугнули ихъ. А если рыбчики «закуро-

\*) Оттсюда изъ газ. «Вологод. Листокъ».  
\*) Порховище—выпорхнанія лягушка въ песчаной почвѣ, гдѣ птица любить ползжать.

щать,\*\*) значить, опасность, и для  
\*\*) Курощать—шебетать.  
нихъ еще не миновала и они поле-  
тать дальше.

Если же въ лѣсу чуть всколых-  
нуло воздухъ, слегка задѣвъ кры-  
ломъ за вѣтви какого-нибудь дере-  
ва, и маленькия птички встрѣмѣлавъ  
шарахнулись оттуда и летѣть пря-  
мо къ намъ на огнь, это значитъ:  
ночной тать-сова летаѣтъ за добы-  
чей. Птички въ это время рады  
присутствію человѣка и прямо ле-  
тятъ къ нему подъ защиту, а од-  
нажды такая птаха даже сѣла на  
картузъ къ Тишанѣ, на что послѣд-  
ній, усмѣхнувшись, сказалъ:

— Виши, ты! тварь бессловесная,  
а тоже понимаешь, смерти то бо-  
ится.

Когда среци ночи дрозды исправ-  
но залепетываютъ съ дерева на дѣ-  
рево и перекликаются межъ-собой  
это значитъ, что поблизости ходить  
какое-то большое животное: лошадь,  
корова или звѣрь чаще всего Миш-  
ка Топтыгинъ.

Но и онъ намъ не страшенъ. Во-  
первыхъ, мы вооружены ружьями и  
топорами, а во-вторыхъ и Топты-  
гинъ не такой дуракъ, что бы из-  
пасть на человѣка ни-за что, ни  
про что, не зная еще на чьей сто-  
ронѣ окажется побѣда. Да, наконецъ,  
онъ не такой и злой, какъ люди,  
не видавшіе его, воображаютъ: «Это  
вѣдь не нѣмецъ» сказаль бы мой  
пріятель.

Но пора мнѣ познакомить чита-  
тель съ моими пріятелями, неизбѣж-  
ными спутниками по охотѣ и «но-  
чевкамъ» въ лѣсу.

Одинъ изъ путниковъ моихъ былъ  
Тихонъ Дмитріевъ Кузнецовъ или  
просто «Тиша», какъ всѣ звали  
его, а другой—Антонъ Григорьевъ  
Панинъ, первый былъ 50 лѣтъ, а  
второй 30—32, оба крестьянина и  
всѣ мы трое были изъ одной и той-  
же деревни Слободки, вологодской

губерніи, расположенной на берегу  
р. Кубинѣ.

Тиша былъ большой руки иде-  
алистъ и фантазеръ, какъ типич-  
ный потомокъ тѣхъ сказочниковъ и  
сказителей былинъ, которыми преж-  
де, въ «досюдное» время изобило-  
валъ нашъ сѣверъ. Онъ во все вѣ-  
риль: и въ лѣшихъ, и въ домовыхъ,  
въ овинниковъ и банаиковъ, въ ки-  
киморъ и въ вѣдьмъ и т. п. и т. д.  
Всю природу онъ любилъ и обогот-  
ворялъ. По его понятію всякая  
тварь земная и даже лѣсъ и трава  
не только живетъ, но чувствуетъ и  
говорить межъ-собою, лишь человѣкъ  
не понимаетъ ихъ языка. А  
Филинъ или воронъ—тѣ говорять  
даже на 12-ти языкахъ. Въ «досюд-  
ное» время нѣкоторые люди—«вѣ-  
дуны» знали и птичій языкъ, но  
теперь всѣ уже перевелись и не пе-  
редадутъ никому этого знака. Но,  
по его мнѣнію, стоять лишь найти  
какой-то корешекъ, сѣсть его—и  
будешь знать всякую рѣчу.

Къ хозяйству своему онъ относил-  
ся, что называется «спустя рукава»  
и не любилъ его. Его любимымъ за-  
нятіемъ было—охота и рыбная ло-  
вля, а любимымъ развлечениемъ слуш-  
ать или читать сказки и вообще  
фантастические рассказы въ родѣ  
Жюль Верна или Робинзона Крузе.  
Учился онъ въ дореформенной цер-  
ковной школѣ, которую даже не кон-  
чили. «Скушно», говорить,!

Но не смотря на это, хозяйство  
ихъ семьи шло хорошо, т. к. у отца  
земли было «взюлю», да и денежки  
водились всегда. Къ тому же стар-  
шій братъ былъ мужикъ хозяйствен-  
ный и наблюдалъ за домомъ Въ моло-  
дости, когда ему было 15—16  
лѣтъ, отецъ, видя, что онъ не при-  
леженъ къ хозяйству, отдалъ его къ  
живописцу, который писалъ иконо-  
стасъ въ мѣстной церкви, отдалъ  
съ тѣмъ, чтобы тотъ его обучилъ  
своему ремеслу. У живописца Ти-

шана прожил 3 года, но ни къ че-  
му, кромъ шпаклевки досокъ, не  
научился, а научился лишь водку  
пить, съ тѣмъ и пришелъ домой.

Служилъ онъ и у лѣсничаго, но и  
тутъ оказалось не по душѣ. «За зай-  
ца, убитаго въ казенной дачѣ, со-  
ставлять протоколъ. Да, что онъ,  
лѣсничій, самъ выкоришилъ его, что-  
ли?»—говорилъ онъ, вернувшись съ  
этой службы.

Пробовалъ отецъ приспособить  
его и къ торговлѣ: далъ денегъ и  
отправилъ его на лошади въ городъ  
за товаромъ. Но вышло совсѣмъ  
плохо: деньги онъ все тамъ прогу-  
лялъ, пропилъ, а когда ихъ не ста-  
ло, то и лошадь, и телегу и даже  
часть одежды туда же спустилъ и  
явился домой «яко нагъ, яко благъ,  
яко нѣтъ ничего»...

Долго отецъ бранилъ его, сердил-  
ся, и не пускалъ въ домъ, но въ  
концѣ концовъ простили: «больно  
ужъ сердцемъ доберъ до меня, ста-  
рика»,—сказалъ отецъ.

Когда Тишана женился, то нѣ-  
сколько остынулся, но все-же боль-  
шая часть его добычи шла на по-  
купку вѣдки, пока не закрыли совсѣмъ «казенокъ». Теперь, нонатно,  
сталъ трезвый.

Антонъ былъ совершенной про-  
тивоположностью Тишанѣ. Онъ вѣль  
свое хозяйство исправно и на рабо-  
тѣ «готовъ убиться», какъ говорятъ  
про его сосѣди У Антона, какъ че-  
ловѣка трезваго и скучного каждая  
копеечка была «на счету». Кончиль  
онъ земскую школу съ похвальнымъ  
листомъ и любилъ въ свободное вре-  
мя почитать серьезную книгу и да-  
же выписывалъ газетку.

Когда же обществомъ избрали его  
приказчикомъ въ кооперативную  
лавку, то дѣлъ еще прибавилось, и  
за послѣднее время даже на охоту  
ходить было некогда. Только и ур-  
вается въ лѣсъ, чтобы отдохнуть ду-  
шою, въ дни большихъ праздниковъ

когда торговля прекращалась. А охо-  
ту и онъ любилъ очень, особенно  
«ночевку» въ лѣсу, у пылающаго  
костра.

Съ такими то товарищами, послѣ  
пятилѣтней разлуки, я и отправилъ-  
ся на охоту вверхъ по Кубинѣ въ  
одинъ августовскій ленъ 191.. г.

Погода стояла чудесная.

Не буду описывать вамъ того ра-  
достнаго чувства, съ какимъ мы  
весь первый день буквально бѣгали  
по лѣсамъ и болотамъ за поискомъ  
дики, но нашъ «сѣрко» только могъ  
найти и «подлаять» пару тетеревей,  
которыхъ и пристукинули. Больше  
не пошель, должно быть устарѣль,  
бѣднага! На обратномъ пути при-  
стрѣли еще рыбчика и тѣмъ наша  
охота кончилась въ первый день.

Къ вечеру вышли на рѣку, къ  
«истопкѣ»\*) усталые и довольные,  
гдѣ вскипятивъ чайникъ и из-ско-  
ро попивъ чайку, пошли рыбачить:  
мы съ Антономъ удить на крючекъ,  
а Тишая побѣжалъ въ лодкѣ съ  
«дорожками». Ловля рыбы оказалась  
болѣе удачною, нежели охота: мы  
изловили мелкой рыбешки до 50  
штукъ, а Тишана выдорожалъ  
двухъ большихъ щукъ. Развели боль-  
шой костеръ, повѣсили котелки:  
одинъ съ рыбой, другой съ карто-  
фелемъ и чайникъ для чаю и раз-  
сѣлись вокругъ огня, закуривъ па-  
риоски.

Ночь была чудная: тихая, теплая  
и темная до того, что зги не ви-  
деть. Зарево отъ костра далеко и  
красиво отражалось въ водѣ. Нев-  
ольно вспомнилось цыганское житѣ  
и ихъ пѣсни:

Мы живемъ среди полей

И лѣсовъ дремучихъ,

Но счастливѣй, веселѣй

Всѣхъ вѣльможъ могучихъ...

Тишана, разлегшись комфорта-  
тельно, началъ повѣствовать свои

\*) Истопка—лѣсная избушка для ночлега.

фантастические рассказы, о лѣшемъ и его продѣлкахъ, а Антонъ ему не вѣрилъ.

— Нѣть, братъ, ты не говори этого, что его нѣть. Онъ есть и всегда былъ, только не всегда и не каждому показывается—это вѣрно,— говоритъ Тишани Антону.—Я самъ видѣлъ, чудакъ—человѣкъ!

— Ну, ври больше. Когда же ты видѣлъ?—спрашивается тотъ.

— А чего мѣвъ вратъ-то, ты не деньги, вѣдь, платить за вранье? Говорю: видѣлъ, значитъ, видѣлъ, вотъ какъ тебя сейчасъ вижу.

— Каковъ же онъ собою-то?—спрашиваю я.

— Огромадный, вровень съ лѣсомъ, а голова, какъ кочъ болотный или, скажемъ, пивной котель и вся всклокочена, какъ бы изъ моху или отрипин\*\*\*) сдѣланы. Страшный, когда разсердится: начнетъ какъ корчить лѣсъ, такъ только трескъ пойдет! А такъ—парень добрый, простой...

— Когда же ты видѣлъ его?

— Да вотъ, какъ дѣло-то было,— началь Тишани. Самъ знаешь, что я не особенно-то долюблю эту кобылью работу—коштъ сѣно, а тутъ лошади на сѣнокосѣ не привелось, собирается дождикъ, я и давай таскать. А баба кричитъ, что сначала поправь на сѣновалѣ крышу, смылась-де, а то все равно сѣно замочить. Я вадѣвъ на крышу, а она въ самомъ дѣлѣ прогнивші, я—бухъ оттуда на земѣ Упалъ, да сдуру-то и крикнулъ: «штобъ лѣшій тебя унес!» Вдругъ въ лѣсу такой поднялся шумъ, такой шумъ и трескъ, что Боже ты мой! Я какъ взгляну туда, а онъ экой-етъ страшный и стоитъ вровень съ лѣсомъ, хлопаетъ ладонью о дерево и хохочеть. У меня мурашки по кожѣ пробѣжали, хочу крикнуть бабу и не мо-

гу. Онъ какъ разсыпается въ мелкую пыль и щепу, вихрь какъ полетитъ на сѣноваль, я такъ не-чередникомъ\*\*\*) и свалился, еле успѣлъ схватиться за кустъ. Потомъ гляжу; мой сѣноваль весь по бревенку раскатило и въ воздухѣ кружить, а крышу такъ всю изломало въ щепы и за рѣку уперло и тамъ извилало въ землю.

— Вотъ какія страсти-то были, а ты говоришь: нѣть его. Нѣть, братъ, этого къ ночи не говори, не ровень часъ—услышать, тогда онъ тебѣ задастъ перцу!

— Такъ это-же вихрь и быть. Причемъ тутъ лѣшій?

— А вихрь разѣ хохочеть? Разѣ ладонями шовкаетъ по лѣсу? Эхъ, ты, ученой!—вздохнѣлъ Тишани, обращаясь къ Антону.

— Будетъ вамъ сгорѣть-то,—говорю имъ.—Расскажи, Тишани, еще что-нибудь.

— Да вотъ, Алексѣичъ, знаешь, небойсь, купца Оболдуева? Онъ все смылся надѣ мужиками, што вѣрять въ разную «нечисть», потомъ, дошло, што самъ въ ноги кланялся лѣшему.

— Какъ такъ?—спрашиваю.

— Была у Оболдуева лѣсная дача огромная и лѣсъ былъ кандовой, съ топоромъ въ дачѣ не бывали може не одну сотню лѣтъ. Купилъ онъ ее и давай рубить съ краю, а тутъ было лѣшево логово и называлось оно «лихой оврагъ». Мужики говорять ему, што этого мѣста не руби, не ладно будетъ, такъ и такъ, все рассказали. Купецъ былъ жадный, только смытъся «Мы, говорить, его сосновой придавимъ, пустѣ-ко убирается по добру, по здорову. Я-де за дачу-то деньги платиль, а онъ мнѣ за квартиру не платить...»

Ладно-хорошо. Осень была сухая

\*\*\*) Нечередникомъ—необычно, необдуманно, беспорядочно.

\*\*\*) Отрипин—отбросы лѣза, пакли.

и удобная для работы. Народу на-  
шло къ купцу «гибель» и—взве-  
нѣль тоюоръ, только стукъ стоять  
въ дачѣ. Вырубили и «овражекъ»...  
Вдругъ какъ закрутило, затрещало  
по дачѣ-то, вихри не только съ  
корнемъ выворачивають деревья, а  
даже на 2, на 3 части ломаютъ его.  
Народъ бѣжать изъ дачи-то кто  
куда, потому «живъ смерти боится».

А тутъ еще, какъ на зло, огонь  
былъ разведенъ, кашу варили. Лѣ-  
шій и давай его раздувать и такъ  
раздулъ, што страсть и посмотрѣть.  
Што и сдѣлалось—прямо адъ! Впе-  
реди лѣсъ ломитъ, а сзади огонь  
подбираетъ, время было сухое и че-  
резъ два дня отъ дачи остались  
однѣ головешки...

Купецъ буди ошалѣлъ: это къ  
народу прибѣжть и молится, што  
бы потушили пожаръ, а што тутъ  
сдѣлаешь? Мужикъ-то не о двѣ го-  
ловы? То побѣжть къ логову и  
тамъ, стоя на колѣнахъ, просить  
лѣшаго простить его, дурака, за  
бахвалныя слова Кто-то посовѣтова-  
лъ съ иконой обойти огонь. Сбѣ-  
галъ въ деревню и принесъ Неопа-  
лимую Купину, но было, видно, ужъ  
поздно, и самъ-то чутъ не сгорѣлъ,  
да спасибо Ѹомкѣ, вытащилъ. Стоить  
съ иконой, а огонь-то кругомъ его  
обошелъ, онъ какъ бы ничего и не  
видѣть, ничего не понимаетъ, обал-  
дѣлъ.

— Вотъ, миляга, какія дѣла-то  
бывають, а ты еще не вѣришь,—го-  
ворить назидательно Тишаня, обра-  
щаясь къ Антону.

— Сдѣлако лѣшій лѣшимъ, а уха  
то поспѣла,—говорить Антонъ, счи-  
мая котелокъ.

О, съ какимъ удовольствіемъ мы  
поужинали! Послѣ такого «промѣна-  
ша» и—свѣжая уха, настолько свѣ-  
жая, что часъ или два назадъ рыб-  
ка плавала еще въ рѣкѣ, а теперь  
уже въ котелкѣ. Хотя, надо сказать,  
что и всякая пища на лонѣ приро-

ды, выражаясь высокимъ стилемъ,  
гораздо вкуснѣе кажется, нежели  
дома.

Попили затѣмъ чайку и, наносявъ  
въ истопку свѣжаго, душистаго сѣ-  
на, завалились спать Но сонъ да-  
лекъ былъ отъ насъ, особенно мнѣ  
и не думалось о немъ, а страстно  
хотѣлось узнать о тѣхъ вѣрованіяхъ  
и представлѣніяхъ о Лѣшемъ, ко-  
торыя существуютъ до сихъ поръ  
въ нашей сторонѣ. Я хотѣ и знать  
кое-что въ молодости, но почти все  
уже испарилось изъ памяти, поэто-  
му я и прошу Тишаню продолжать  
свой разсказъ о Лѣшемъ.

— Да што обѣ немъ разсказы-  
вать-то? Лѣшій, такъ Лѣшій и есть,  
говорить Тишаня.

— Ну, да какъ ты его представ-  
ляешь: человѣкъ онъ или духъ?  
Какъ онъ живеть и что дѣлаетъ въ  
лѣсѣ?

— А кто ево знаетъ. Должно-духъ,  
только образъ человѣческій принялъ,  
Знаю, што огромадный, такихъ лю-  
дей нѣтъ, и силы непомѣрной. А  
простой, сердяга. Кабы такой то,  
да злой—тогда и вѣ лѣсъ хоть не  
ходи бы.

— А чѣмъ, говоришь, занимается?

— Мало ли у него занятій. Лап-  
ти плететь въ свободное время, ему  
одной пары на день не хватаетъ  
походи-ко по дремучему-то лѣсу, тутъ  
узнаешь. Днемъ пасеть свое стадо,  
а кочью—караулить. Вѣдь стадо-то  
у его не маленькое: сколько однихъ  
медведей, оленей, лосей, лисицъ,  
куницъ, векошь, а потомъ рыбчики,  
тетерви,—мало ли живности! А то  
же надо за всѣмъ присмотрѣть, што  
бы другой Лѣшій не «стабриль»\*

— Развѣ не одинъ Лѣшій- то?

— Эво! Знамо не одинъ. Гдѣ же  
одному сиравтись со всюю Россіей?  
чай, на участки тоже подѣлено, вро-  
дѣ какъ земскіе начальники.

\*) Стабриль—украсть.

— Что же у нихъ съезды бываютъ, собрания? Спрашивается, улыбаясь, Антонъ.

— Собрания, не собрания, а разъ въ году сходятся, въ народѣ-то такъ бываютъ<sup>\*\*</sup>) Ну, и картечницаются же тогда—страсть! Даже до драки доходитъ...

— Вотъ тебѣ фуяты! Гдѣ же они карты-то берутъ? Не унимается Антонъ.

— Они не въ карты, собственно, играютъ, а въ косточки: отъ медвѣдей, оленей, лисицъ, векошь и т. п. Даже и людскія идутъ въ ходъ, это отъ дѣтей, заблудившихся и погибшихъ въ лѣсу. Кости у нихъ взамѣнъ денегъ, будто: большія виѣсто бумажекъ, а маленькия въ родѣ теперешнихъ марокъ, для сдачи.

Который Лѣшій проиграть весь принесенный съ собою кошель съ костями, ставить тогда на конь или партію векошь со своей округи, или рябчиковъ, у кого чего есть, а другой лисицъ, и вѣтъ тутъ-то у нихъ часто и доходитъ до драки: не могутъ оцѣнить правильно, какой вѣтъ и чего стоить.

Вѣтъ поэтому-то и бываетъ, что въ одну осень много векошь, а зайцевъ иѣтъ. А это значитъ просто: рекошь нашъ Лѣшій выигралъ, а зайцевъ проигралъ.

Всѣ-таки нашъ Лѣшій мастеръ играть и много онъ пользы приносить народу. Онъ все выиграетъ чтонибудь цѣнное: куницъ, лисицъ, векошь, а изъ дичи—рябчиковъ или тетерокъ, а не зайцъ въ или тамъ утокъ, скажемъ, что въ ней: крякаетъ да крякаетъ—только и всего, а не мяса, не жира.

Гдѣ на то: лисица или куница, вѣдь цѣна-то имъ 30—40 руб. за штуку.

А векошь иногда выиграетъ такую тьму-тьмущую, что даже въ

деревняхъ бѣгаютъ по крышамъ дсмовъ. На што у меня сѣрко, и глухъ, и слѣпъ, а и тогдѣ въ прошлую осень по 20 шт. находилъ въ день, а цѣна-то была вѣкшѣ полтина! Рубль по 8, по 9 сставалось чистого ганомъ въ день. Гдѣ такую деньгу зарабоши?

Въ третьемъ году у ясль въ Шоддолгой, гдѣ Лѣшій-то живетъ, вдругъ появилось лесицъ множество, и што же? Тишку Лукина знаешь? Вѣдь пяты поймалъ въ клоцца, больше ста рублей мужикъ нажилъ. А кто пѣхъ пригналъ къ намъ? Вѣдь не съ облака же свалились?—Конечно, Лѣшій выигралъ гдѣ—нибудь.

Антонъ нашъ заснулъ, а мы все еще продолжали нашъ разговоръ о Лѣшемъ, да и спать не хотѣлось.

— Ну, а Лѣшій ее обижаетъ, не мучить никого? Допытываются.

— Куда тамъ сбижать, лишь бы ес-то не обидѣлъ! Понятно, кто смѣется, какъ Оболдуевъ купецъ, тутъ хоть кого, такъ зло возьметъ. Но рѣдко овѣтъ злится, а все больше шутить, да проказить.

— И оборонъ же онъ большой рука! воскликнулъ Тишаня.

Любимое удовольствіе его, это—пьяного поводить по лѣсу; водить вокругъ да около какойнибудь сосны, а самъ хоочеть, а тотъ ругается, матерится, а выйти на дорогу не можетъ. До тѣхъ доводить, што у тово весь хмель вылетѣтъ изъ головы, ну, тогда и выведетъ на дорогу.

И меня разъ также проводилъ всю ночь, должно быть потому, што наступить на его слѣдъ, а онъ этого не любить. Жежу вокругъ да около и знаю, что дорога должна быть тутъ, а попасть не могу. А когда розевѣтало, гляжу—дорога тѣхъ трехъ саженяхъ была. Вотъ вѣдь, оказался-то!

— Почему онъ не любить, чтобы

<sup>\*\*</sup>) Вають—говорятъ

наступали на его слѣдъ?

— Кто ево знаетъ. Должно быть далеко уходить отъ логовища, такъ скоро ли угадаетъ напрямки-то попасть въ него, вотъ онъ своимъ слѣдомъ и выходить назадъ, какъ лисица, которая всегда возвращается въ нору своимъ слѣдомъ. А если стопчуть слѣды, какъ ихъ «сточить»?)

— Ну а что же онъ не любить?

— А обѣ этомъ разскажу.

«Недолюбливаетъ онъ, продолжаетъ Тишана, когда, примѣрно, лошадь или корова въ лѣсу, ночью, вмѣсто того, что-бы ити домой, или хоть тутъ спать, бродить по поскотинѣ всю ночь, только колоколь бредитъ: сама не спить и другимъ спать не даетъ. Вотъ онъ терпить, терпить, да какъ свистнетъ во всю лѣшачью мочь, да захлопаетъ въ ладоши, тутъ корова или лошадь прямо безъ ума летить отъ него куда попало, а онъ за ней и непремѣнно загонить въ самое болото, въ трясину.

Бьется, бьется, бѣдная тогда до седьмово поту, а вылѣзть не можетъ, и пропала бы, да Лѣшій отхожъ сердцемъ-то, подъ утро возвьметъ за хвостъ да и вытащить.

— А еще чего не любить?

— Сильно не любить онъ, когда лѣсъ вырубаютъ, особенно который хороший, строевой и крупной. Жалѣть онъ егошибко. Ибо потому, что въ немъ живеть и ухоранивается, а въ мелкомъ не спрячешься, да и для звѣрей тоже надо «ухожей»\*) Онъ, какъ заботливый хозяинъ, думаетъ и о нахъ. Поэтому онъ часто надѣй порубщика шутить злыхъ шутки, хоть это-бы и не къ лицу ему.

— Какія же?

\*) Сточить—разыщетъ. свѣршишъ толь-  
вточъ.

\*\*), Ухожей—уютное мѣстечко, куда ухо-  
дить, чтобы посторонние не видѣли.

— Да, вотъ, примѣрно, подрубаетъ мужикъ дерево-сосну или ель—и прилаживаетъ такъ, что-бы оно упало впередъ, отъ себя; а онъ возвьметъ да незамѣтно и сталкиваетъ назадъ, и придавать мужика или лошадь. А то бываетъ и такъ: замахнется мужикъ топоромъ, што-бы тяпнуть по дереву, а онъ свади подтолкнетъ руку-то, смотришь—мужикъ вѣсто дерева-то и тяпнуть по своей ногѣ.

Когда какъ вадумается, такъ и отплатить порубщику. Бываетъ, што мужикъ опасаясь, чтобы не убить деревиной лѣшадки, оставить ее поодаль отъ себя. А онъ возвьметъ да и нашлеть стадо волковъ. Шока мужикъ рубить бревна, а тамъ ужъ его лошадку роспопрошили волки.

— Не любить также онъ,—продолжаетъ Тишана, когда какая-нибудь баба разсердится на своего ребенка и скажетъ: «унеси тебя Лѣшій», или: «што тебя и Лѣшій-то не возвьметъ?» А шотомъ, когда онъ возвьметъ этого отсулена уже ему ребенка, то начнеть «причитать», собѣть всю деревню и пойдуть искать по лѣсу. Одно беспокойство дѣлаютъ, и онъ сердится, а потомъ и откинетъ такого дитя: на кой-де чортъ и проси-ли взять?

Не любить онъ и того, когда какая-нибудь дѣвица «наварзаетъ» тамъ въ деревнѣ съ парнемъ, придетъ въ лѣсъ и давай ревѣть и рвать на себѣ волосы. Лѣшему и жалко-то ей, да и досадно, што беспокойть, какъ будто онъ тутъ причемъ (а другая еще думаетъ, што «Лѣшій попуталъ» ее). Начинаетъ съ всяко развлечать: и ягодъ-то укажетъ и птичекъ то заставитъ пѣть, и зайчика то колодыаго пригонитъ къ ногамъ. Но дѣвица въ горѣ ничего не видитъ, ничего не слышитъ, и глядѣ—на осинѣ виситъ ухъ!

Разсердится Лѣшій, выколотить обѣ оленокъ табакъ изъ трубки и

уйдетъ прочь и не вернется туда, пока не уберутъ ее.

— А ужъ которая дѣвица или молодица веселая, да пѣсни поеть въ лѣсу—душа его: тутъ и лапти бросить, закурить трубку да и слушаетъ. Любить пѣсни и любить веселыхъ бабъ. Однимъ словомъ—озорники!..

— Давай-ко и мы покуримъ съ тобой, Алексѣичъ, и я разскажу тебѣ исторійку про нашу «Олишну» т. е. Ольгу Ж, чай помнишь?—сказалъ Тишани.

Покурили. Тишани продолжалъ

— Вотъ эта Олишна въ одну весну вдругъ повадилась каждый вечеръ ходить въ Поддолгую и проходила тамъ до полночи и дальше. Стали люди замѣчать, что это съ хромой сдѣлалось, куда она ходить и для чего? Домашніе иногда спрашиваютъ ее: гдѣ была?

— А гдѣ была, говорить, тамъ неѣть, а гдѣ шла тамъ слѣдъ ищетъ.

Вотъ тутъ скоро отговоришь, даромъ что убогая? Ладно хорошо. Только осенью бабы наши стали замѣчать, что брюшко-то у Олешки округлилось. Што, думали, за окаzia. дѣвка изъ избы никуда не выходитъ кромѣ какъ въ лѣсъ, въ Поддолгую, а тамъ никто не живетъ и изъ деревни туда никто не ходить, а забрюхатѣла? А нѣ диво-то просто оказалось—Лѣшаго поубила! Сама созналась, когда прижали къ стѣнѣ: куда ребенка дѣвала?

— Что же она сказала?

— А Лѣшій, говорить, ионуталъ, Лѣшій и взялъ! и больше слова не ободились отъ нея и ребенокъ сгинулъ.

— Какъ же она могла любить и вить съ нимъ, такимъ огромнымъ? спрашивала Тишани.

— Ну, братъ, бабу этимъ не заугаешь!..

— Что же дальше было съ Олишной? Вѣдь она, какъ я слышалъ,

умерла?

— Дальше худо вышло. Она съ тѣхъ поръ забоялась ходить въ лѣсъ и днемъ, не только ночью; если и пойдетъ, то съ артелью, да и то три креста надѣнть на себя, штобы, значитъ, Лѣшій-то опять не схватилъ. А ночью, когда ложится спать, то всѣ двери и окна окрестить, чтобы онъ не залѣзъ въ окно.

Такъ продолжалось съ годъ времени. А потомъ, потомъ.. Должно быть забыла кресты дома, ушла въ лѣсъ да и не вернулась живая. На утро нашли у самой деревни на берегу рѣки уже мертвей. Не иначе, Лѣшій задушилъ ее, да и отнесь. Тоже и ей обидно было: слюбились, а цѣлый годъ не приходила.

— Какъ-же похоронили: вскрывали?

— Да, доктора потрошили<sup>\*)</sup> и признали, что умерла отъ угару? А гдѣ въ лѣсу угорѣть? Тоже знатоки!

— А съ другими бабами ничего, не балуешь?

— Я думаю, когда безъ тово. Вотъ напр., весной бабы жгутъ новины подъ ленъ, а вѣтру нѣть, дрова ссырая, ве горятъ, онъ и просить его: «Лѣшій дуй! Лѣшій дуй!», кричать во все горло А онъ тутъ, какъ тутъ, и такъ раздуется, что мигомъ новина сгоритъ.

— Ну, спасибо, лѣщаечъ!—скажеть догадливая баба, онъ и перестанетъ.

А которая не скажеть этого, такъ и полосу лѣса по близости сожгеть.

Такъ всю весну около бабъ и треплется, озорники! Которая баба понравится ему, у той и ленъ уродится всѣхъ лучше и выше, потому—онъ не даетъ засыхать новинѣ, поливаетъ ее по ночамъ.

— И хитръ, плутъ! Когда у любимицы дѣти пойдутъ лѣтомъ за ягодами или грибами—полныя корзины заберутъ, потому что онъ показываетъ имъ. Отъ людей видно научился: кто хочетъ приласкаться къ чужой бабѣ—подружись сначала

Сея ребятишками, и дѣло выдѣтъ въ  
плягѣ! говорить, улыбаясь, Тишана.

— А, что своей-то бабы у Лѣшаго  
нѣть, что ли?

— Какъ нѣть, — есть! — отвѣчаетъ  
Тишана. Только она у него худая:  
сухая, долгоносая и горбатая стару-  
шонка. Мы ее все «сковородницей»  
называемъ. Лѣтомъ ходитъ она все  
по полямъ съ раскаленной сковород-  
кой. Ищетъ «прокляненныхъ», дѣ-  
тей, чтобы поджарить. Ужъ очень  
любить, проклятая, дѣтское мясо!

Только Лѣшій ее ненавидитъ и на  
глаза не пускаетъ, а все катализит-  
ся съ вѣдьмами. Вѣдьмы же, из-  
вѣстно, народъ хитрый и ничего  
ему, бѣдному, не попадаетъ; только  
«макутъ по губамъ».

— Прилетѣть къ нему въ ступѣ  
экая чикъ-брикъ, и прилашится, го-  
ворить Тишана: подай ей тово, дру-  
гово; примѣрно рябчиковъ на жар-  
кое, лисицъ на тѣлогрѣйку, медвѣ-  
жечка на полстѣ, послать, значить,  
въ ступѣ, чтобы мягче сидѣть, а  
она юни-то и распуститъ. Всего ей  
подаетъ и хочетъ облапить, чтобы  
поцѣловать, а она выскользнетъ, да  
въ ступу, — только проурчитъ, какъ  
поднимется выше лѣсу, и улетитъ къ  
самому дьяволу. Поминай, какъ звалъ!

Ну, въ разгердатися же онъ тогда,  
Только трескъ пойдетъ по лѣсу  
какъ начнетъ корчить пни да коло-  
дины, а зубами скрипятъ, какъ су-  
хое дерево. Страшно тогда подходить  
близко къ тому мѣсту гдѣ онъ. Я  
слыхалъ. Только, вѣдь, онъ отхожъ  
больно сердцемъ-то! Пройдутъ сутки  
все и забыть, опять та же вѣдьма  
подымается къ нему и получитъ все,  
что ей надо, а потомъ и наутекъ.  
Сильные всегда незлобивы, въ за-  
огъ личеніе сказалъ мой пріятель.

Было уже утро и вашъ Антонъ  
проснулся, а мы, не спавши, пошли  
опять на охоту. На этомъ и кон-  
чимъ напѣть разсказъ.

**Шустиковъ.**